

номъ, а о самой драмѣ графа Толстого говорилъ, что она ему несимпатична по политической подкладкѣ, которую онъ въ ней видѣлъ. Кавелинъ принималъ ее за памфлетъ и полагалъ, что вся драма написана для историческаго оправданія тѣхъ политическихъ замысловъ московскаго боярства XVI в., которые онъ признавалъ эгоистически-олигархическими и анти-государственными, и продолженіе которыхъ видѣлъ въ 60-хъ годахъ въ замыслахъ т.-наз. „партіи крупныхъ землевладѣльцевъ“, мечтавшей о политическомъ представительствѣ и выразившей свои воззрѣнія въ газетѣ „Вѣсть“.

О Петрѣ Великомъ Кавелинъ высказывалъ слѣдующее: „Петръ Великій съ головы до ногъ—великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; складъ ума практическій, безъ всякой тѣни мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ неразборчивость въ средствахъ для достиженія практическихъ цѣлей: безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры,—и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и родную намъ природу великорусса? Но въ какихъ громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ она въ немъ высказалась! Несмотря ни на какія свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до сихъ поръ, чтобы въ самомъ дѣлѣ могъ жить на свѣтѣ такой человекъ! Разъ почувавши свое дѣло, свое призваніе,—а до этого онъ дошелъ не черезъ книгу или раздумье, а практикой, опытомъ,—Петръ отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ, безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь. Труженикъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, онъ не зналъ усталости и только передъ смертью догадался, „коль слабое твореніе есть человекъ“. Невозможнаго для него не было; все казалось ему возможнымъ, чего онъ хотѣлъ; а хотѣлъ онъ, ни больше, ни меньше, какъ пересоздать Московское царство въ европейскую монархію, съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ, администраціей, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже съ европейскою общественностью, нравами и формами,—и рассчитывалъ выполненіе этого плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ, желалъ самъ наслаждаться плодами своего „насажденія“. Съ этой стороны, Петръ Великій есть полнѣйшій представитель своей эпохи и ея преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени, въ которое онъ жилъ; Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которой ве-